

An abstract painting with a complex texture. It features thick, expressive brushstrokes in white, black, and yellow. The composition is dense and layered, with a sense of depth and movement. The colors are vibrant and contrast sharply against each other.

**ГЕОРГИЙ
ПЕТРОВИЧ**

**ШУСТРИКИ И
МЯМЛИКИ**

Издательские решения

Георгий Петрович

Шустрики и мямлики

«Издательские решения»

2014

Петрович Г.

Шустрики и мямлики / Г. Петрович — «Издательские решения»,
2014

Молодой доктор Вадим Гриднев и криминальный авторитет по кличке Племянник. Вор и врач объединяются, чтобы отомстить следователю Павлу Бобкову, шантажирующему женщин для удовлетворения патологических сексуальных потребностей. В его лице герои криминальной повести «Шустрики и мямлики» противостоят разрушительной силе государства и делают это нагло и изобретательно.

Содержание

Глава первая	5
Письмо №1	6
Письмо №2, предпоследнее	9
Письмо №3, последнее	10
Глава вторая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Георгий Петрович Шустрики и мямлики

Глава первая

Читать чужие письма нехорошо, гнусно, аморально и неприлично, но человек, изучающий не ему адресованные послания, плевать хотел на приличия. Да он по долгу службы просто обязан был проанализировать каждую строчку этой писанины потому, что для кого-то этот бред, может быть, и мог называться письмами, а для него это был обыкновенный вешдок. Он проставил на письмах порядковые номера, согласно дате их написания, взял в руки красный карандаш для пометок особо интересных мест, уселся поудобнее и принялся за чтение.

Письмо №1

Привет, братан! Джинсы твои получил, большое спасибо! Они мне тик-в-тик, в облипку. В них и пошёл на первую свою планерку. Участковая больница на пятнадцать коек. Кроме стоматологии, оказывается, я ещё должен вести амбулаторный прием, курировать стационарных больных и, как заведующий врачебным участком, вынужден заниматься ещё и хозяйственной деятельностью. На территории участка две немецкие деревни, одна со смешанным русско-казахским населением, и центральная усадьба Тупицино, которую немцы называют почему-то деревней дураков. Почему, я ещё не выяснил, но письма, отправленные из населенного пункта с таким названием, смело можно назвать дурацкими.

Врачебная деятельность началась неудачно. Удалял доярке Глуховой верхний восьмой. Обычно они, в отличие от нижних зубов мудрости, удаляются без проблем, а тут коронка возьми и отломись. Ну, взял прямой элеватор, как меня и учил Соломон, оперся на седьмой и вывихнул корень. Вывихнуть-то я вывихнул, смотрю: как-то конфигурация мягкого неба изменилась. Пощупал. Епэрэсэтэ! Вместе с корнем ушёл кусок заднего края альвеолярного отростка. Что делать? Оставить – может развиваться остеомиелит. Решил убрать. Отслоил слизистую, убрал обломок втихаря. Кровь заливает рот. Уже больная догадалась по моему лицу, что что-то не так. Надо зашить. Не могу без помощника – далеко. Нужно щеку шпателем отодвигать. Спасибо Соломону, он мне гемостатическую губку настоятельно рекомендовал взять с собой. Ну, забил туго в рану, сжал пальцами десну с двух сторон со всей силы, дал валик закусить. Кровь остановилась минут через двадцать. Отпустил больную домой, а душа не на месте. Суббота, что делать, если кровотечение возобновится? Пошёл к ней домой, узнать, как дела, а её и след простыл. Уехала к тетке на день рождения.

«Ну, все, – думаю, – она там самогоночки примет, горяченьким закусит и такое кровотечение выдаст – мало не покажется». Две ночи не спал, веришь? А в понедельник помчался к ней на утреннюю дойку, на ферму.

«Как здоровье», – спрашиваю. «Отлично», – говорит. Открыла рот. Можешь себе представить? Рана затянулась идеально, даже постэкстракционного тромба почти не видно. Правильно Соломон говорит: «Во рту и в заднице заживает быстрее всего».

Я так обрадовался, что даже расцеловал её на радостях. А зря! Там её муж-скотник присутствовал с вилами. Как он меня ими на месте не запорол? До сих пор не пойму. Бог спас, наверное. С женой он выяснил отношения незамедлительно – с фонарем ходит, а со мной обещал разобраться позже. Мне уже от него привет передавали. Болтает, конечно, но всё равно неприятно. У меня вызов, потом допишу.

Слушай про идиотов. Вообще впечатлений масса, поэтому пишу сумбурно и непоследовательно, прерывая писанину на время вызова. Итак: гражданка Омарова лезет в подпол и чистит на ужин картошку, сидя там на корточках. Почему не сделать то же самое на кухне – непонятно. Её трёхлетний сын Руслан разбежался и упал на маму. А у неё в руках нож, только она об этом забывает и пытается поймать ребенка, чтобы он не ушибся. Результат: скальпированная рана через весь лоб, чуть повыше бровей. Разрез зияет, видно надкостницу. Слава богу, что глаза целые. Зашивал, старался. Вроде бы аккуратно получилось.

Братан! Будь моя воля, я бы издал приказ, строжайше запрещающий приём пищи умирающим больным. Они же как? Нажрут, а потом при транспортировке отрыгивают. Да если бы только! Такое вытворяют посмертно – не опишешь. Я тут взялся выносить своевременно покинувшую этот мир старушку. Я несу носилки спереди, а две санитарки – сзади. Стали спускаться по лестнице. А она возьми и срыгни прямо на новые джинсы. Теперь стирай. Пусть тебя не удивляют слова: «своевременно покинувшая этот мир». Это не медицинский цинизм – это правда. Ведь если есть выражение: «безвременно покинувший», то почему бы ни употребить

слово-антагонист? Всё равно ведь все так думают, а сказать боятся. Бабушке сто лет, у неё сто болезней, ну и как сказать? Безвременно, что ли?

Оказывается, участковая больница – это похоронное бюро. Нам же всех неизлечимых больных умирать присылают. Я, конечно, вправе от них отказаться, но тогда я не выполню план койко-дней. А меня за это на ковер, на медсовет. Себе дороже. У меня тут Тина Шмидт из немецкой деревни лежит. Достопримечательность! Умирает десять лет. У нее сердечная недостаточность, мерцательная аритмия, сахарный диабет, цирроз печени, а она живет. Асцит тяжелейший, цианоз, а она живет. Верующая. Ты же знаешь, как я к святошам отношусь. Официальный святоша, как и коммунист, может пребывать только в двух качествах: он либо идиот, либо негодяй. Идиот верит слепо и бездумно, негодяй не верит ни во что, но хорошо притворяется и тем самым зарабатывает себе на жизнь, устраиваясь попом, комиссаром или генсеком. Тина относится к первым, но как-то не раздражает. У неё глаза синие, просто плавают в слезах, но слеза почему-то не проливается. Никогда не жалуется. Только молится и улыбается. Святая!

Кажется, я начинаю понимать, почему Тупицино называют деревней дураков. Представь! Построили больницу, провели душ, унитаз, но воду не подключили. Все удобства во дворе.

– Как же вы больных моете? – спрашиваю.

– А мы их не моем, мы их на выходные домой отпускаем.

– Но у вас же лежащих полно, они же до педикулеза долежатся.

А сотрудники переглянулись так хитренько, вернее, подленько и говорят:

– Да они все тут у нас завшивели. Санитарка им голову дустом обсыплет, косынку на сутки оставит – ни одного насекомого до самой смерти.

– Но дуст же вредный для здоровья! – говорю, а сам вспомнил медицинский анекдот и думаю: «Господи! Что я горожу? Это кому вредно? Раковому больному, что ли?» Ну, помнишь хохму: умирающий больной просит, чтобы не хоронили в цинковом гробу.

– Это почему? – спрашивают.

– А потому, что деревянный полезнее для здоровья.

Слушай дальше, братан, что мне эти аборигены рассказали.

– Подумаешь, мы и шандавошек дустом выводим. У нас тут солдатики из Армавира на уборочной были, так теперь целая эпидемия шандавошек этих.

– Это которые *Ptirus rubis* на букву «М»? – Это я так перед ними знаниями латыни щегольнул. – И почему вы так этих паразитов называете?

– А это, – говорят, – нас так в немецкой деревне научили. «Шанде» – стыд, позор по-немецки. Значит шандавошки – позорные насекомые.

– Логично, – говорю, – но для этого серо-ртутная мазь имеется.

– А сера с ртутью полезнее, чем дуст, что ли?

Опять логично. За что их только деревней дураков кличут?

Бабы оказывают внимание. Приходит молодая женщина.

– Ночью проснусь, – говорит, – так спина болит, не могу ноги раздвинуть.

Что только я ей от радикулита не выписывал? Даже импортный реопирин назначал – все бесполезно. Спина вроде прошла, а вот ноги по ночам не раздвигаются. Короче, достала она меня.

– Послушайте, – говорю, – а вы не могли бы мужа попросить, чтобы он вам ноги ночью раздвинул и по возможности пошире?

– Так в том-то и дело, милый доктор, что мужа у меня нету.

Как тебе это нравится, братан? Ну, всё, у меня вызов к роженице, потом допишу.

Опять уделал штаны. Не везет твоим джинсам. Приехал к роженице. Я у неё месяц назад сына к психиатру возил. Представляешь? Пришёл пацан домой, перекусил, чем нашёл, подходит к кровати, а там батя пьяный спит. Кровать у них одна на всех. Алкоголики. Откинул он простыню, а папенька в обнимку с бараном лежит. Зарезал, освежевал и в кроватку. Зачем?

Извращение? Ну, мальчик, как увидел окровавленного барана в папиных объятиях, так и свихнулся сразу. Теперь маменька рожать удумала. Пьяная с фингалом. Только отъехали: «Все, – говорит, – сейчас разрожусь». Не успел с неё трусы снять, окатила плодовыми водами, и всё на джинсы. Ребенка как выстрелила. Порядочные женщины сутками маются, а эти... Я бы всем роженицам по сто грамм наливать порекомендовал, как только схватки начнутся.

Опять конфуз. В акушерской сумке уложены: сверху одеяло жёсткое, как шинель, потом фланелька, потом пеленка. Я, пока пуповину обрезал, так разволновался, что завернул младенца сначала в жёсткое одеяло на голое тельце, затем во фланельку, а уж потом в пеленку. Новорожденный как взглянет на меня! Вырастит – отомстит. Если акушерки продадут – выговор мне обеспечен. Повариха делает намеки. У неё муж за убийство в тюрьме сидит. Приду пробу снимать, она всех из кухни выгонит и начинает при мне полы мыть. Наклонится, если спереди: складочка между грудей, завлекучечка – ложку мимо рта пронесёшь, если сзади – вообще умопомрачительно.

Аборигены изумляют. Спрашиваю больную о происхождении у неё веселого гонококка. «А я затаилась», – отвечает.

– Это как?

– А вы что, не знаете, что если во время этого дела затаиться на два децибела, то обязательно дурную болезнь поймаешь? – говорит, и всё это с гонором и как бы ко мне с презрением за моё невежество.

– Может быть, вы и создаете с вашим партнером шум в два децибела по ночам, но уверяю вас, что венерические заболевания от этого не возникают.

Ну, хватит о них, надоели! Звонил Соломон, приедет крестьян протезировать. Я ему больных пока saniрую. Рву зубы и лечу, чтобы он сразу же смог работать начать. Все пока. Целую – Вадим.

Р. S. Умерла Тина Шмидт, ну, которая святая. Интереснейшая смерть. Потом расскажу.

Р. Р. S. Скотник Глухов бросил камень в окно. Не камень, а полкирпича. Знаю, что он, а доказать не могу. Заделал подушкой дефект, кровать отставил подальше от окна – так спокойнее.

Письмо №2, предпоследнее

Братан, привет! Приезжал Соломон зубы вставлять. Я с ним немного оконфузился. Помогал мостик шлифовать, чуть перестарался, поднажал немного и перфорировал коронку с нёбной стороны. Дырочка малюсенькая, видно только, если на свет посмотреть, даже зонд не входит. Короче, поставь на фосфат-цемент, сто лет простоит, владельца переживет. Ну, подмигнул Соломону, показываю, что, мол, ерунда, можно поставить, и больной ни в жизнь не заметит. А Соломон как зыркнет на меня: «Знаешь, доктор, почему я всю жизнь левую работу делаю, в том числе и рыжее, и ни разу не сидел? Потому что я никогда не делал фуфло!» и выбросил протез в помойное ведро.

Рыжее – это золото. А, вообще, он действительно работает, как ювелир. Знаешь, откуда у Соломона деньги? Да потому, что он, как и все его единовверцы, любую работу делает мастерски, будь он портной, сапожник или стоматолог. Всё, всегда высший класс. Так что учи ортопедию. Знаешь, сколько Соломон за неделю заработал? Больше, чем я за год. Широко живет. Мы тут с ним под дождь попали. Промокли до нитки. Он завел меня в универмаг. «Раздевайся», – говорит. Крикнул девкам, чтобы принесли всё по размеру. Оделись во всё новое. Я думал взять мокрую одежду с собой. Смотрю: а он свою не берёт. Бросил всё в угол и пошёл к выходу. Ну, мне неудобно было перед ним крохобором выглядеть, пришлось тоже всё бросить. Жалко джинсы, но зато не опозорился. Соломон мне перстень-печатку отлил. Кольцо золотое, печать – платиновая. Ему золотой песок в спичечном коробке один гонец из Чусового при мне передал. Он ему регулярно товар поставляет. На печатке изображена Фемида.

– Смотри, Вадим, и не обольщайся, – сказал Соломон, – что если она с завязанными глазами, то значит – беспристрастна. Справедливости нет, не было и никогда не будет.

– Почему?

– А потому, что со времен римского права и поныне судебный вердикт выносится на основании свидетельских показаний. А свидетели врут: кто за деньги, кто со страху, кто из зависти, кто по глупости.

Взял он с меня чисто символическую цену – сто пятьдесят рублей, хотя стоит такая работа в несколько раз дороже. Судя по тому, как он вёл себя в универмаге, он не жадный, но: «За работу, – говорит, – всегда бери деньги, если хочешь, чтобы тебя уважали. Никогда и ничего бесплатно! Если не берешь, значит, свой труд не ценишь».

Он мне ещё денег подкинул за то, что я ему больных санировал, хотя я все равно ведь обязан это по долгу службы делать. Мне же государство за это деньги платит. Хотя, что это за деньги? Слезы! По сравнению с тем, что Соломон зарабатывает.

Ну, все, братан. Вызывают на дорожно-транспортное происшествие.

Р. S. Глухов нагадил на крыльцо. Оставил записку: «Это милый насрал за измену».левой рукой писал, чтобы по почерку преступление не раскрыли.

Письмо №3, последнее

Братан! Работать врачом вообще-то можно. Тут главный инженер Сычев приходил с любовницей от гонореи лечиться. Он вавочку на курорте поймал и мадам заразил, а у неё муж-экономист из нашей деревни сейчас на курсах повышения квалификации. Ну, пролечил их срочно. А то была бы семейная драма неминуемо. Всё сделал честь по чести, даже провокацию устроил гоновакциной, ну, и, конечно, контрольный мазок.

Я его сам покрасил, взял у лаборантки втихаря: фуксин, генцианвиолет, спиртиком мазок зафиксировал и под микроскопом его посмотрел. Полное клиническое выздоровление. Ну, конечно, деньги совали – я не взял. Так они меня на день медика в ресторан затащили. Вздروгнули славно. Я хотел расплатиться, но Сычев не позволил.

Тут меня один наркоман из армянской строительной бригады достал. Дай наркотик, и всё! Но мне Соломон строго-настрого приказал с наркотой не связываться. Короче, приходит этот Левон, залез ко мне в «скорую», пачкой денег трясёт, а сам ещё больше трясется: «Умираю», – говорит. Ну, я дал ему бесплатно ампулу омнопона из сумки скорой помощи, а оказывается, все наркотики списывать надо. Сделал укол – запиши в специальную тетрадь и пустую ампулу, верни для проверки. Что делать? Хорошо, что вызов был к тяжёлому больному. Я одну ампулу сделал, а записал две. Не успел я выкрутиться, а Левон опять пришел: «Хоть воду, доктор, введи». Ну, я его послал, он не обиделся, сунул мне в стол бутылку коньяку и убежал. Я что, его догонять должен? А знаешь, на кого я омнопон списал? Налетели наши специалисты, пьяные в зюю, на стоящий у дороги молоковоз. Они так на мотоцикле «Урал» мчались, что даже затормозить не успели. Ну, двое скончались на месте, а один ползает по дороге, главный зоотехник наш, на вид целый, но что-то ему взблуднулось – белый, как мертвец. Пропальпировал ему живот: твердый, как доска, – это значит, что кровь в животе, к бабке не ходи! Оказалось, что у него разрыв печени. Довез живым, а где кровь для переливания взять? Пришлось нашим мужикам деревенским спиртику выставить, чтобы они кровь пожертвовали. Человек десять кровь сдали, а зоотехник все равно умер. Тут со спиртом интересная история. У меня симпатия есть. Заведующая аптекой Нина Васильевна.

«Вы, – говорит, – Вадим Вячеславович, на пятнадцать коек спирт выписываете, а сами план койко-дней хронически перевыполняете. Давайте-ка я вам перерасчёт сделаю. Мы вообще-то такое не практикуем, но для вас исключение сделаем».

Представляешь? Почти ведро нигде не учтенного спирта получил. Я его не пью, у меня от него изжога и во рту сушит, так что весь донорам споил. А Нина Васильевна ко мне с проверкой медикаментов приезжала. Я её сам на «скорой» в район отвозил и совершил с ней аморалку в машине. Бабы тут как с ума посходили. Теперь с её мужем неудобно встречаться. Он у нас рентгенологом работает. Ну, всё, братан! У меня вызов. Не успел письмо отправить, как появилась интересная информация. Я же в засаду к Глухову попал. Получил вызов, взял сумку с «неотложкой», зашёл в дом, а там скотник Глухов с двумя мордоротами. Ну, я виду не показал: «Кто тут болеет?»

«А никто, – говорят, – вот ты сейчас и заболеешь». И бац, мне ногой в живот. Двое держат, а Глухов пинает.

«Я, – говорит, – в морду бить не буду, чтоб без синяков подох».

Потом за вилку хватался, хотел глаза мне выколоть. Амбалы вроде как придерживают его, но так, чтобы я знал, что он в любой момент вырваться сможет. Психическая атака! А дверь на ключ закрыта – не уйдешь! Потом они вышли на крыльцо посоветоваться, как меня удобнее замочить, а я взял и каждому в стакан с водкой по ампуле аминазина влил. Они вернулись, врезали для храбрости перед убийством, и двое через пять минут уснули, а Глухов не спит.

Ненависть ко мне нейролептик нейтрализует. Догнал меня во дворе, схватил за галстук: «Я тебя пидар, интеллигентный, сейчас в колодце утоплю. Прыгай, сука, в колодец!»

Ну, я ему за пидара выписал правой – он лег, но схватил меня за ногу, стал друзей на помощь звать. Пришлось свободной ногой его успокоить. Результат: перелом угла нижней челюсти, а что мне, дожидаться, пока эти быки проснутся? Но я как чувствовал, что этим дело не кончится. Прошел огородами к поварихе и у неё заночевал. А глуховская родня всю ночь с дреколями бегала – меня искали. Нашли бы, убили бы наверняка. Выбили окна у меня в квартире, двери выломали, а утром на меня заявление написали, и сидеть бы мне за нанесение тяжких телесных повреждений, если бы не Соломон. Он приехал зубы вставлять, а я под следствием. Я же не могу доказать, что они меня в живот пинали и убить хотели.

«Мы, – говорят, – его как врача вызвали потому, что Глухов заболел, а доктор сказал: „Ставьте бутылку, я вам баралгин из-под земли достану“. Напился, мол, и Глухова избил потому, что у него с Глуховской женой роман. Все видели, как он при живом муже среди белого дня к ней домой заходил и как прямо на ферме он её лобызал».

Представляешь, братан? Ложь от начала до конца, но всё против меня. Есть свидетели, что я её поцеловал, есть история болезни, где чёрным по белому написано, что Глухов действительно страдает мочекаменной болезнью и что приступы колики у него хорошо снимаются баралгином, который – дефицит. Ну, всё против меня. Сколько Соломону пришлось участковому ментологу коньяку выставить – страшно сказать. У него теория:

«Милый Вадим, – говорит, – нет людей, которых нельзя было бы купить. Только одним хватит бутылки, другим ящика, а третьим – десять, но на армянский коньяк покупаются все. Хороший коньяк – это эквивалент денежных знаков, только за рубли могут посадить как за взятку, и не каждый, поэтому взять осмелиться, а коньяк, он вроде как подарок и не более того, поэтому берут все. Короче, просто спас меня Соломон. Спасибо ему. Ну, все, пока.

Р. S. Повариха – высший пилотаж, жаль, что муж через неделю освобождается.

Р. Р. S. Мне предлагают в пионерский лагерь, в качестве врача поехать, а что? Отдохнуть на природе с симпатичными воспитательницами было бы неплохо. Да? Целую – Вадим.

Глава вторая

Следователь прокуратуры Павел Георгиевич Бобков, изучающий письма из деревни дураков, находился в состоянии одному ему известного возбуждения. В такие минуты, вследствие сильного душевного волнения, у него неизменно развивался спастический колит, отчего пучило Пашу до неприличия. Вот и сейчас, уже в который раз, он резко поднялся, подбежал к окну, замер на мгновение, как бы прислушиваясь у себя к чему-то там внутри, воровато оглянулся на дверь и поспешно открыл форточку. Сам Паша объяснял происхождение позорных симптомов исключительно как результат плохого переваривания пищи. Он давно уже утратил коренные зубы, вообще запустил рот до невозможности, но протезироваться бесплатно стальными мостиками считал ниже своего достоинства, а на золотую работу раскошелиться не хотел.

Три дня назад его осведомитель из числа студентов принес ему интересную фотографию. На ней была изображена разнополая группа молодых людей, сидящих под новогодней ёлкой, а за их спиной на тахте лежала влюбленная парочка. Ну и что? Сидят и пусть себе сидят. Казалось бы, а что тут такого? Если бы не одно интересное обстоятельство. Дело в том, что молодые люди, а это были в основном студенты мединститута, были обнажены и не просто там недостаточно одеты, а вообще, были абсолютно голыми, ну, что называется: «в чём мать родила». Были ли эти чудаки членами запрещенной секты нудистов, двигались ли те, на тахте, относительно друг друга или просто вскарабкались один на одного и замерли в незамысловатой миссионерской позе, это предстояло ещё выяснить, но даже при положительном ответе на поставленные вопросы, если строго следовать букве существующего тогда закона, особо криминального деяния как бы и не просматривалось, если бы уходящий, судя по стрелкам часов на фотографии, старый год, не ознаменовался очередной кампанией по усилению борьбы с коррупцией, туеядством и моральным разложением наших граждан, попавших по недомыслию своему под тлетворное влияние Запада.

Хороший год для Паши уходил со двора. Именно в тот год генсек, до глубины души потрясённый нехорошим поведением товарищей по партии, запятнавших и без того обкаканый мундир неукротимым воровством и беспредельным мздоимством, инициировал, в сущности, расстрел директора Елисеевского гастронома, так сказать, «для острстки». И воспринял чуткий на негласные приказы под названием: «есть мнение» Паша решение суда несправедливого как руководство к действию, потому что знал не понаслышке, что не было ни одной семьи из кремлевского окружения вождя, хотя бы раз не воспользовавшегося задним входом в знаменитый магазин деликатесов. И никто не вступился за честного по сравнению с ними директора. Ни слова сострадания не услышал приговоренный к высшей мере наказания за хищение социалистической собственности в особо крупных размерах фронтовик, награжденный за храбрость звездой Героя Советского Союза. Так и принял смерть под аккомпанемент голосов, выражающих всеобщее одобрение.

«Ну, всё! Пошло, поехало! – резюмировал тогда Паша. – Главное намёк дать! Главную линию определить. А уж исполнители у нас найдутся, услужливых-то у нас пруд пруди. Сейчас полетят головы, и будут приговоры судов абсолютно неадекватны тяжести совершенного преступления. Ну и начнут моментально приспособливаться к новым условиям, то есть делать то же самое, только втихаря. Это очень хорошо! У всех будут задницы замараны, а чем больше замараны, тем больше нам задницы будут лизать. Тут нам, стражам порядка явный профит. Главное, сейчас в хвосте не остаться и себя как-то проявить».

О том, что за нелегальный ввоз из-за бугра журнала «Плейбой», человек навсегда становился невыездым, знали все, но о том, что в то же время у большинства секретарей обкомов, райкомов и даже у многих директоров совхозов существовали так называемые комнаты

отдыха, где слуги народа и крупные хозяйственники развлекались с симпатичными секретаршами на казённых диванах, обитых гигиенически удобной кожей, знали немногие. Паша знал. Его сексоты, особенно из числа лиц, одаренных ироническим складом ума, были поражены не столько вышеуказанным сервисом, как-то: набитый жратвой и дармовой выпивкой холодильник, приглушенный свет, создающий интим музон, – как тем обстоятельством, что вход в комнату отдыха, был искусно закамуфлирован громадной книжной полкой, от пола до потолка, заставленной трудами вождей мирового пролетариата. Наибольшее число толстенных томов принадлежало перу неугомонного борца за равноправие трудящихся Владимиру Ульянову (Ленину). А ещё рассказывали Пашины агенты, что в местном обкоме партии имелся в то время очень уютный кинозальчик, где истекающие похотливой слюной лояльные члены партии просматривали фильмы с клубничкой, после чего выносили решение о нецелесообразности проката безнравственной продукции, во избежание растления граждан, воспитанных в духе высокой коммунистической морали. Ну, как тут себя не проявить? Непременно участие в процессе изобразить надобно. И Паша изобразил. За попытку снять убогий, трехминутный любительский порнофильм Павел Георгиевич упрятал за решетку аж восемнадцать студентов областного ВУЗа. Один из них даже пытался послание в стихах из неволи переправить, только попало оно не на свободу, а к Паше на стол. Там были такие строки:

*В закрытых саунах отменно
Потели партии друзья.
С блядьми, водкой непременно.
Им было можно – нам нельзя.
А фильм с клубничкой на десерт,
Смотрел, расслабься, старый мент.*

«Ну, чистый Чаадаев», – восхитился Паша и спрятал поэму на всякий случай в сейф.

Следователь областной прокуратуры, с интересом рассматривающий фотографию с очень недурными голенькими студенточками, в прошлом был тоже мент. Он, может быть, и до пенсии проработал бы участковым милиционером в немецкой деревне, если бы не болезнь. Проклятая, ненавистная, отравившая существование, ранняя эякуляция, настолько ранняя, что после «того» приходили на ум услышанные от какой-то бойкой на язык бабенки слова: «Эх, ты! Нёс, нёс и не донёс!»

Он вообще был в этом вопросе крайне застенчив и нерешителен, хотя внешне производил впечатление человека нахального и очень здорового во всех отношениях. Короче, подтверждался тезис о том, что внешность бывает обманчива: казался здоровым – оказался больным в сексуальной области, вел себя нахраписто, а на самом деле был трусоват, производил впечатление человека глупого, на самом деле таковым не являясь. Вернее сказать: был глуповат, но быстро стал умнеть потому, что постигшее его несчастье стало каким-то образом стимулирует умственный процесс.

До поражения на постельном фронте Паша делал зарядку, обливался холодной водой, таскал гири, накачивал мышцы, и вдруг возник вопрос: «А для чего я это делаю?»

И допёр своим умом мент участковый, Зигмунда Фрейда не читая, что в основе всех поступков лежит сексуальное влечение. Но влечение должно заканчиваться удовлетворением, а о каком удовлетворении может идти речь при катастрофически раннем извержении? А ещё догадался хитрожопый деревенский мужичок, американского философа Джона Дьюи не читая, что главным стремлением, присущим человеческой природе, является желание быть значительным, а, потерпев фиаско в любви, о каком ощущении собственной значимости можно говорить? В общем: крах, капут, кранты, амбец и катастрофа! Зачем стараться понравиться жен-

щине, если знаешь наверняка, что не только удовлетворить, но даже войти в неё полноценно не успеешь?

Догадывался Пашка, что позорище это может происходить со страху, от неуверенности в собственных силах, от ожидания неудачи. Нет! Он совсем не был глуп! И пусть он не смог точно сформулировать диагноз: «невроз ожидания», но в принципе он был не далек от истины, и поэтому решил напоить партнершу до бесчувствия, чтобы она ничего и сообразить-то не смогла, ничего бы не запомнила, а главное, чтобы не смогла оценить его как мужика и в случае неудачи не стала бы позорить его на всю деревню.

Накачал Паша одну телятницу до потери сознания, но и в этом случае не успел снять со спящей трусики, как всё окончилось, не начавшись. Тогда он решил напиться сам, чтобы как-то уменьшить страх перед любовным поединком. Вскоре случай представился. Пришел как-то к приятелю, а у него в постели брюнетка с такими обольстительными формами, что от одного её вида, чуть не случилось у Паши извержение. Сбегал он в магазин, принес пару бутылок «Столичной», и друг так кстати куда-то заспешил, засобиравался, подмигнул заговорчески: «Давай, мол, не дрейфь!» и слинял по своим неотложным делам. Врезал Паша пару стаканов для храбрости, и дама, не вставая с постели, стопарик приняла. Подошел к ней, задыхаясь от волнения, разделся, прикоснулся к тёмному треугольничку жёстких, курчавых волос в паху и с ужасом почувствовал, что не в силах остановить неумолимо приближающиеся, конвульсии. Красавица просушила пышные бедра простыней и иронично так: «И всё, что ли?»

Пашка вспотел от позора. Главный кошмар состоял в том, что она другу могла рассказать про его мужскую несостоятельность. Вот с тех пор он и постановил для себя, дело иметь только с дамами незнакомыми, чтобы они его потом не срамили. И всё думал Паша Бобков, всё анализировал, всё экспериментировал, и сам не замечал, что всё умнее и умнее становился.

Сказала как-то знакомая из Ташкента, что, дескать, узбеки предпочтительнее русских в постели. На вопрос «почему» ответила, сально хохотнув: «Да потому, что у мусульман он без холостого хода».

Недолго думал Паша, что это означает. Быстро догадался, что виной всему крайняя плоть. Это она слизистую прикрывает и закалиться ей не дает, но не делать же православному милиционеру обрезание? А как тогда патологическую сверхчувствительность уменьшить? Купил Паша в аптеке новокаин, обмотал своего неженку ватой, пропитанной обезболивающим раствором, два часа кряду убивал вредную для любви тактильную сверхчувствительность, даже онемение почувствовал. Побегал к соседке-вдове (она всегда была согласная) – и снова поражение! После того случая даже мысли о самоубийстве стали возникать, но он гнал их от себя, знал, что на Руси всегда, руки на себя наложивших осуждали, и самоубийц на кладбище не хоронили. А ещё потому не позволял он себе впасть в отчаянье потому, что чувствовал, что выход из создавшейся ситуации должен быть найден. Непременно и наверняка! Ищите и обрящите, толцйте и отверзется! Смотрел как-то Паша порнушку, конфискованную у глухонемых. Первыми распространителями неприличных фотоснимков были глухонемые, и продавали они свою запрещенную продукцию в поездах. Подойдет к пассажиру немтырь, бросит на стол пачку фотографий, промычит что-то, покажет на пальцах цену, и торг состоялся. Как-то даже удобней было у немых покупать, сраму меньше, что ли, когда без болтовни. Качество первых чёрно-белых порноснимков оставляло желать лучшего, но и их, рассматривая, приходил Паша в состояние бессильного возбуждения, с тоской отмечая, что на большее, чем разглядывание, он не способен. И вдруг в Пашином мозгу, измученном неудачами, возникла идея. Мысль о переломе ситуации в свою пользу появилась у Паши при созерцании снимка, на котором полногрудая развратница пробовала своего любовника, что называется, «на вкус».

Вот оно, спасение! Ведь, совокупляясь таким образом, совершенно не имеет значение продолжительность процесса, тем более что Паша по неопытности своей полагал, что у дам должно появляться совершенно естественное чувство брезгливости (какое заблуждение), а зна-

чит, чем быстрее наступал конец, тем лучше. Возникла проблема: где найти объект для проведения опыта? Половое воспитание, вернее, полное его отсутствие не позволяло предложить подобное действие порядочной женщине (заблуждение номер два). Снять потаскушку в области со стрелки – значит, поймать такой букет – денег на докторов не хватит. Оставалось одно: склонить жертву на оральный контакт, посулив замять судопроизводство. Позднее для своего внутреннего лексикона Паша оставил это короткое «склонить» и пользовался этой лаконикой успешно и постоянно. Но кого вообще можно «склонить?» Ту, на которую есть компромат. Даже для вызволения из неволи отца, брата, сестры далеко не каждая соглашалась «склониться», но вот из страха быть разоблаченной в супружеской измене или просто в прелюбодеянии соглашались практически все. Итак! Компромат! Вот главный рычаг для принуждения. В первое же посещение областного города Паша купил в магазине «Оптика» дорогую подзорную трубу и хороший фотоаппарат с чудо-объективом. Недельку наблюдал из окна собственного кабинета окрестности рукотворного водного бассейна со скучным промышленным названием «котлован» и добился неплохих результатов. Так, например, он заметил, что бригадир, проезжая мимо летней дойки, захватывал с собой симпатичную, замужнюю доярочку, но не вез её сразу же домой, а заезжал зачем-то с ней в околос. На другой день Паша спрятался в кустарнике и сфотографировал безобразников. Бригадиру фото он, конечно, не показал, но возненавидел его незамедлительно – обычная реакция импотента на существование в непосредственной близости неутомимого и везучего в любви конкурента. Он вообще всех без исключения могущих делать «это» без проблем недолюбливал и мог, скажем, старика, укравшего мешок зерна, запросто отпустить восвояси, ибо дедушка не был соперником, но вот молодого, пользующегося повышенным вниманием слабого пола мужика он не прощал никогда. Он мстил им за свое страдание, а больше всего мстил за собственное унижение.

Доярочка, лежащая под бригадиром в интересной позе, была бабёнкой не всегда трезвой, распутной и истеричной, но умнеющего день ото дня Пашу не смущало последнее обстоятельство. По опыту общения с определенным контингентом он знал, что истероиды могут, конечно, в состоянии аффекта совершить такое геройство, которое и не снилось храбрейшим из храбрецов, но для совершения подвига им необходимо, ну просто обязательно два условия: наличие аудитории – это раз, и состояние опьянения – это два. Паша завёл к себе в кабинет трезвую изменщицу во время обеденного перерыва, так как закрываться на ключ при посетителях было небезопасно, усадил её на стул, сам стал так, что его чресла находились в непосредственной близости от лица сидевшей, и показал фотографии. Больше всего Паша боялся, что возмущенная аморальным предложением доярка укусит его за орган (заблуждение номер три). Он даже пистолет приготовил, чтобы эту дрянь тут же на месте пристрелить. Но ничего такого не понадобилось. Отшатнулась в ужасе при виде расстегивающейся перед глазами ширинки, ровно настолько, насколько позволяла спинка стула, но, услышав слова: «Будь умницей, и я отдам эти фотографии с негативом не твоему мужу, а тебе», уселась поудобнее и приняла, «склонила». И Паша воскрес. Первое, что он сделал, – привинтил стул к полу, чтобы лишить даму возможности уклонения, а затем стал мент оттачивать искусство шантажа.

«Надо было не отдавать этой шалашовке негатив, тогда можно было бы её регулярно пользоваться», – сокрушался Паша, но, если честно, то он уже искал другую жертву. В нем проснулся охотничий азарт. Кажется, это состояние называется симптомом Дон Жуана.

Он получал ни с чем не сравнимое моральное удовлетворение при виде женской головки, покорно прильнувшей к тому, что вяло торчало из штанов. В недавнем прошлом – тёмный, убогий, униженный собственным половым бессилием, он брал теперь реванш, упивался полученной властью над скомпрометированной им же женщиной, а попавших к нему в ловушку глубоко презирал, ибо, как человек ограниченный, в сексуальном плане дефективный, он считал подобный способ совокупления чем-то очень постыдным, запрещённым и непотребным. Вскоре Паша расширил область применения фотокомпромата. Оказывается, легко «склоня-

лись» не только неверные жены, из страха быть покалеченными или вовсе убиенными ревнивыми мужьями, но и школьницы старших классов, для которых было гораздо предпочтительней согласиться с Пашиным предложением, чем огорчить чадолюбивых родителей присланной по почте фотографией, на которой дочь была запечатлена в таком виде, что и инфаркт заполучить было немудрено от удивления.

Паша обнаглел и стал усложнять интригу. Поймал с поличным на воровстве народного добра местного сердцееда. Тянуло преступление, как минимум, годика на два.

– Отпущу, – говорит, – дело при тебе сожгу, если учительницу в околок приведёшь.

– А вам-то, какая выгода? – удивился сельский Казанова.

– Ещё один такой вопросик – и пойдешь на нары с конфискацией имущества. Понял?

– Понятно, – говорит воришка. И хоть не понял ни хрена, а девку уломал и травку с ней в березнячке примял, ни сном, ни духом не подозревая, что Паша их во время процесса сфотографировал. Паша слово сдержал – хода делу не дал, а симпатичную учительницу через некоторое время пригласил для беседы.

«Какой-то негодяй, – говорил участковый, – подбросил мне эти гадости. Я, конечно, догадываюсь, кто это сделал, и, если вы будете молчать (да неужто она про себя болтать бы стала?), я сделаю у поганца обыск и конфискую негатив, а то, не дай бог, придумает, подлец, фото директору школы послать».

Ну и дальше в том же духе, дескать, наш советский педагог должен примером быть, так сказать, образцом нравственности..., а сам хозяйством-то своим перед лицом так и елозит. И ведь убедил, запугал девку до смерти, и «склонил», и всё вроде шито-крыто, и ни одна не проболталась, но стал нутром Паша чувствовать, что пора с деревни сваливать, а особенно стал беспокоиться после случая с Тиной.

Вообще-то, победой над целомудренной, набожной красавицей Паша, вроде бы внутренне и гордился, а с другой стороны как бы тревожился потому, как были последствия.

Была Тина сирота, родители – поволжские немцы погибли в трудармии от голода, и росла девушка с двумя братьями. Потом старшего посадили за привлечение несовершеннолетних в баптистскую секту. Был громкий, показательный процесс. Арнольд – так звали брата – так им на суде и сказал: «Вы, коммунисты, тоже себе смену готовите, всяких там октябрят, пионеров-христопродавцев, Павликов Морозовых, родного отца продавших, а почему я, к вере в Господа нашего паству призывающий, не должен последователей иметь?»

Вот и отправили его по приговору суда в исправительно-трудовой лагерь проповедовать, а он внешне никакого огорчения и не показал.

«Значит, – говорит Богу угодно, чтобы я арестантов сырых и убогих просвещал и на путь истины наставлял».

Только не помог Арнольду Господь. Умер вскоре, и обычно родственникам не отдают умерших для погребения – сами закапывают с биркой на большом пальце ноги, а тут послабление вышло: тело близким отдали. Стали его обмывать, в рот заглянули, а языка-то и нету. Неужто на зоне язык укоротили? Баптисты со всей области на похороны съехались, задали работы гэбэшникам. А Тина с младшеньким осталась. Вскоре его призвали в армию, а он – сектант проклятый, вместо того чтобы свой политический уровень повышать, устав зубрить, Библию по вечерам почитывал. Ну, как водится, был избит сослуживцами по приказу взводного, из части самовольно сбежал и больше в роту не вернулся. Получил тогда Паша задание слежку за домом установить, потому что предатели эти рано или поздно, в родные пенаты возвращаются, невзирая на грозящую им смертельную опасность от подобного посещения. Две ночи сидели в засаде со своим закадычным другом, председателем сельсовета и яростным гонителем всех верующих, товарищем Лобковым. Их так и звали на селе: Бобков-Лобков, почти, как Бобчинский-Добчинский, так они были неразлучны. Мороз стоял нешуточный, врезали друзья для сугреву и вдруг видят, что кто-то в баню прошмыгнул. Тут они его, голубчика и сцапали.

Ну, пинали ногами, конечно, потому, что замерзли, сидючи в снегу, и потому, что захмелели маленько. Соображали, что в лицо бить нельзя, все в живот попасть норовили. А потом наручники – и в районную КПЗ. Там братик совсем что-то расхворался и был направлен в больницу палату областного следственного изолятора.

А Тина пришла, помолившись, за братика просить. И тут мент совершил главный свой сексуальный подвиг. Убедил глупую, что в его силах освободить младшенького и «склонил» истинно верующую, непорочную красавицу, сам удивившись её самоотверженности. Склонить-то он склонил, а братик в это время возьми и помри от побоев, если точнее, от перитонита – воспаления брюшины, который вначале доктора не распознали, а когда схватились, уже поздно было. Рассказывали потом лепилы (так в тюрьме медбратию кличут), что пьян был хирург в дупель потому, что вздумал этот дезертир как раз в день Советской Армии синдром острого живота симулировать. А Тина, никогда прежде не болевшая, захворала на другой день чем-то непонятным, попала в больницу, и больше участковый инспектор Бобков, никогда её не видел

«А я откуда мог знать, – прогонял Паша от себя нечто, похожее на угрызения совести, – что, когда я её склонял, этот баптист сдох уже?»

О том, что он и старшего брата вместе с Лобковым арестовывал, он старался не вспоминать, но беспокойство от этого не проходило и тогда он подал документы на юридический факультет потому, что пришла ему в голову идея.

Тюрьма! Вот где нива, вот где простор для полового бандитизма, вот где ни одна не проговорится, а если и вздумает, то кто ей поверит? Пусть докажет! Себе дороже! А за свободу, да что об этом говорить, если за неё на колючую проволоку под высоким напряжением бросаются, вены себе вскрывают, калечат себя, забеременеть от самого поганого охранника пытаются, да за неё, родимую, любую просьбу исполнят, лишь бы на волю вырваться. Сто из ста по Пашиным расчетам «склоняться» должны потому, что ко всему привыкает человек, кроме неволи.

И был принят Паша на юрфак, благо для сотрудников милиции конкурс отсутствовал – свои всё-таки, сдал кое-как экзамены на тройки, и учись давай. И после окончания ВУЗа было много заманчивых предложений, но Паша скромный такой, не амбициозный, от адвокатуры и всего прочего отказался и попросился на не престижную должность рядового борца с преступностью – следователя областной прокуратуры. Много раз позднее повышение предлагали, но Паша, лишенный всяких карьерных претензий, оставался сидеть в своем плохо освещенном угловом кабинетике, вызывая уважение начальства: «Герой труда! Правда, скромный до глупости». И никто не подозревал, как он был счастлив: отдельный кабинет, привинченный к полу стул и власть над бабами, неограниченная, бесконтрольная и сладкая, как для зэка слово «свобода».

Раз только прокололся Паша, когда положил глаз на прехорошенькую бандершу, арестованную за содержание дорогого притона. Вызвал следователь прилатненную красавицу на допрос, уселся на стол так, что между его широко расставленными ногами и её лицом кулак не просунешь, и только за ширинку взялся, а она ему спокойно так и с презрением:

«Ты чё это тут, мент поганый, пристраиваешься? Да я – Племянникова мара! Чиркну ему маляву, он тебе за щеку в твоём кабинете при сотрудниках даст! Ты понял меня, козёл?»

Козёл всё понял, так как знал, что бандит по кличке Племянник действительно умен, мстителен, неуловим и опасен. Вернее сказать, не «неуловим», а скорее – не наказуем потому, что дважды был арестован и дважды был отпущен на свободу с формулировкой: «за недоказанностью преступления». Последний раз обвинение развалилось прямо в зале судебного разбирательства потому, что один свидетель отказался от данных им ранее показаний, заявив, что он вынужден был оговорить законопослушного гражданина, так как следователь применял по отношению к нему недозволенные методы воздействия, другой же, самый важный свиде-

тель, вообще осмелился не явиться в зал судебного разбирательства, несмотря на то, что был официально приглашен.

– Повестку свидетелю вручали? – поинтересовался председательствующий.

– Вручали, – подтвердила секретарь.

– Он расписался в получении?

– Да, – ответили судье, и подпись на документе показали.

– Ну, так возьмите двух сотрудников, – кипятился судья, – и привезите его в наручниках.

Там же чёрным по белому написано, что при отказе явиться без уважительных причин будет доставлен под конвоем.

Ох, напрасно, а главное, несправедливо гневался народный судья, ибо при всём желании не мог свидетель дать показаний, ведь под наркозом не говорят. Подрезан был в собственном подъезде именно тогда, когда торопился в зал судебного заседания для дачи сенсационных, разоблачающих гангстера показаний. А когда очухался на операционном столе, пришёл в себя; так обрадовался, правдолюб, что жив, остался, что начисто позабыл про то, о чём судье поведать хотел. Да он что? Сумасшедший, что ли, на хорошего человека понапраслину возводить? Ну, а поскольку время, необходимое для расследования дела, отпущенное законом, давно истекло, вынужден был судья отпустить, накачанного, как Шварценегер, бандита на свободу прямо из зала суда.

Паша решил прекратить на какое-то время свои криминально-эротические упражнения, чтобы направить все усилия на нейтрализацию угрозы, исходившей, от не пожелавшей склониться бандерши. Жаловаться она в вышестоящие инстанции не будет, а если и осмелится – то безрезультатно, но записку, или, как она выразилась, «маляву» передать на волю сможет без труда, и воспрепятствовать этому Паша не сможет при всём желании. В тюрьме полно вольников, имеющих свободный выход в город, да и штатные охранники в большинстве своём продажны, что и неудивительно при их уровне зарплаты. Сплошные иуды, что уж тут греха таить. И Паша, свято соблюдавший главный принцип железного Феликса: «Если вы ещё на свободе, то это не ваша заслуга, а наша недоработка», решил потенциального врага доработать. Недельку вёл наружное наблюдение за домом бандита и за всеми его передвижениями. Установил, что Племянник жил один, ужинал всегда в ресторане «Кама», откуда направлялся к одной из его многочисленных «мар», где и оставался, как правило, до утра.

Закончив шпионскую деятельность и обобщив имеющиеся сведения, Паша приказал привести на допрос задержанного накануне цыгана. Даже сам Паша, спроси его, чем же отличается задержание от ареста, не смог бы вразумительно объяснить разницу между такими понятиями, как задержание и арест. Проямлил бы, конечно, что мол, юридически, арест – это когда с санкцией прокурора, а задержание – это, вроде бы и без, но сам-то он знал, что фактически разницы никакой нет, и что главное удовольствие в этом деянии – это то, что он имел право надеть наручники на любого подозреваемого. Ровно на три дня мог задержать и в течение этого времени мог самолично казнить и миловать на вполне законных основаниях.

Три дня – это много или мало? На свободе вроде бы и немного, а вот за решеткой...

Знал Паша мудрозадый, что брось он хорошенькую продавщицу, якобы заподозренную в хищении народных средств в переполненную камеру предварительного заключения, где она должна будет спать на голых досках вповалку с убийцами, проститутками, вшивыми и туберкулезными бродяжками, где нужду должна будет справлять в вонючую парашу, позорно кажись и карячась с крышкой в руках от трехведерного бачка, на глазах у непотченной публики, так не только трех дней, а трех часов хватит для того, чтобы растратчица эта была на всё согласная, только бы вырваться из этого кошмара, только бы изменил Паша меру пресечения на подписку о невыезде. Многие понаделали глупостей, себя и других оговорили, испытав шок от увиденного, полагая, что всё время нужно будет пребывать в этом ужасе, не подозревая, что уже в следственном изоляторе есть какие-никакие, а всё-таки отдельные нары с матра-

цами и что параш там нет, но есть «светланка» – унитаз, хоть и без дверей, но с небольшим ограждением, где, присев, можно хоть на мгновение исчезнуть из поля зрения окружающих и где существовать в принципе можно, если, конечно, арестован за действительно, совершенное преступление. В КПЗ же жить нельзя! Так, по крайней мере, считали многие, заключенные под стражу новички, впервые оказавшись за решеткой. И чем образованнее и деликатнее была арестованная, тем страшней был эффект от увиденного. Всё это наблюдательный Паша давно просёк и работал с интеллигентными дамочками с особым удовольствием. Знал сотрудник прокуратуры, что грамотная женщина, наблюдая кровавые плевки рядом спящей бомжихи, моментально вычисляла, что у соседки по камере туберкулёз, а следовательно, и она может заразиться, более того, образованная дамочка могла справедливо полагать, что шансов поймать заразу гораздо больше, чем остаться здоровой. А, кроме того, мало-мальски информированные, слышали, конечно, о существовании тюремных штаммов палочки Коха, абсолютно резистентных к любым антибиотикам и, следовательно, идя дальше в своих рассуждениях, с ужасом сознавали задержанные дамы, что они ещё до судебного разбирательства, косвенно уже приговорены к смерти, если, конечно, слово «косвенно» можно применить в данном случае. Как тут не испугаться, не упасть духом, не впасть в отчаяние, как при таком положении дел не сломаться, устоять и не «склониться?»

И Паша борзел и пел осанну нашему родному правосудию, дающему ему право брать любого под стражу, якобы по подозрению в совершенном преступлении и в интересах следствия держать его в течение этих трёх заветных суток за решеткой и, отпустив потом, в случае отсутствия доказательств вины даже не извиниться за причиненное беспокойство. И больше всего забавляло Пашу то обстоятельство, что вместо возмущения по поводу незаконного ареста многие, да что там многие, почти все испытывали в душе нечто вроде чувства благодарности к умному следователю, который всё-таки разобрался и отпустил их с миром. А ещё использовал Паша эти благодатные, отпущенные ему законом для абсолютного беззакония дни вот в каких целях. Он ковал себе кадры осведомителей. Арестовал, скажем, воришку с поличным и поставил условие: либо закладываешь подельников, либо идёшь на четвертый день к прокурору за санкцией о дальнейшем пребывании под стражей, и тогда даже сам Паша не сможет помочь при всем желании, ибо делу будет дан ход, оно будет пронумеровано и взято под контроль. Завертятся тогда колесики машины правосудия и можно смело вычеркивать несколько лет из и без того короткой блатной жизни. И недостатка в помощниках не было, правда, и здесь имел Паша интересное наблюдение: чем авторитетней в уголовной среде был арестованный, тем труднее было его завербовать. Воры в законе не подписывались на это дело никогда.

Вызванный на допрос цыган был взят при попытке сбыта морфина. Героин в то время ещё не получил распространения на Урале. Ровно десять ампул находилось в коробке, конфискованной у цыгана. Не бог весть что, но срок цыгану был обеспечен. Паша задал подследственному все полагающиеся в таких случаях вопросы: где родился, где крестился, поинтересовался для блезиру о происхождении морфина, зная прекрасно, что ему будут врать и что цыгане своих, как правило, не сдают, потом зачитал статью, полагающуюся за торговлю наркотическими средствами в особо крупных размерах, (этот перл российского законодательства веселил и радовал его одновременно: больше грамма – и уже особо крупный размер), потом дал расписаться и, отметив, что подследственный, услышав причитающийся ему срок, побледнел, покрылся потом и обмяк, спросил о количестве и возрасте осиротевших цыганят, заранее предполагая их количество.

– Сколько у тебя детей?

– Шестеро, – ответил цыган и, опережая следующий вопрос, пояснил, – мал мала меньше, начальник.

Паша замолчал, как бы размышляя, о чем-то трудно разрешимом, а цыган, будучи, как и все его соплеменники, неплохим психологом, расценил молчание следователя как сомнение.

– Мал, мала меньше, – повторил он охрипшим от волнения голосом, – дочка болеет, теперь умрёт, наверное, ты бы отпустил меня, начальник, век на тебя молиться буду.

«Отчего это русские люди так откровенно не просят пощады? – размышлял Паша, – гордые очень? Так этого добра и у чавэл хватает. Тут дело не в этом. Весь фокус в том, что цыгане живут по своим неписаным законам, которые позволяют не только карать, но и миловать при соответствующих обстоятельствах. А вот наш родной, писанный, сто раз чиновниками переписанный закон, помилование практически исключает. Потому русский человек и не просит пощадить его, потому что знает наверняка: от облаченного властью не только прощения, но и снисхождения не дождёшься, что ж зря пресмыкаться-то? Да и как веру не утратить, когда известно, что тот же прокурор обязан обвинение поддерживать. Слово-то какое придумали „поддерживать!“ Знает ведь наверняка, что защищаясь или ненароком убил, а будет, слюной брызгая от негодования, максимальный срок просить, потому как „должен“. Что должен? Долг исполнять? Ах, да, у нас процесс якобы состязательный. А кто это и с кем там состязается? Адвокат бестолковый, бесправный, безынициативный с обвинителем состязается? Да кто его слушает, будь он хоть семи пядей во лбу и, как Цицерон, красноречив? Никто! Как судья на душу положит, так и будет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.